

ОКРАШЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Иштван Пете

Всякий глагол обозначает процесс, а процесс не может мыслиться нами иначе, как нечто протекающее во времени. «Глагол — это прежде всего «темпоральная» часть речи» — говорит проф. А. В. Исаченко.¹ (В связи с этим можно сослаться и на названия глаголов в некоторых языках. Так, например, в немецком языке «глагол» — это *Zeitwort*, «темпоральное слово», в польском *czasownik*, которое образовано от слова *czas*, имеющего значение «время».) Из этого вытекает, что категория времени является одной из наиболее важных грамматических категорий глагола. Несмотря на всю важность этой категории «учение о формах времени в традиционной русской грамматике явно обеднено и схематизировано»².

Категория времени показывает отношение действия к моменту сообщения об этом действии (к моменту речи). Так мы можем говорить о *настоящем* — действие совпадает с моментом речи, *прошедшем* — действие предшествует моменту речи, и *будущем* временах — действие следует за моментом речи. Этот способ выражения времени лингвисты называют а б с о л ю т н ы м временем. Кроме абсолютного времени в лингвистической литературе различают и т. наз. о т н о с и т е л ь н о е (релятивное) время, когда категория времени показывает отношение момента одного действия к моменту другого действия. По относительному времени мы различаем *одновременность* действий — время двух или больших действий совпадает в настоящем, в прошедшем или в будущем *преждевременность* — одно действие предшествует во времени другому действию, и *послевременность* — время протекания одного действия следует за совершением другого действия. Относительное время выражает усложненное временное значение, в котором отношение момента действия к моменту речи в придаточном предложении выражается через время другого действия, определяемое к моменту речи с точки зрения говорящего в главном предложении. Напр.: Он сказал, что переведёт статью к пяти часам. Он сказал, что перевёл статью к пяти часам. Для выражения относительного временного значения в некоторых языках имеются особые временные формы (напр. в английском, немецком). В русском языке глагол не имеет относительных временных форм, однако при выражении относительных времён значительную роль играет вид глагола в той или иной временной форме. На основании возможности

¹ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, II, Братислава, 1960. стр. 419.

² В. В. Виноградов, Русский язык. 1947. стр. 539.

употребления временных форм глагола для выражения абсолютного и относительного времени принято говорить в лингвистической литературе о *первичных функциях*, или о *прямом* употреблении временных форм (настоящее, прошедшее, будущее) и *вторичных функциях* временных форм глагола (одновременность, преждевременность, послевременность). (Относительно отношения прямого и вторичного употребления временных форм глагола см. статьи *Н. С. Поспелова*, *Е. Кржижковой*, *А. В. Бондарко*³).

В русском языке, как знаем, категория времени глагола тесно связана с категорией вида и наклонения. Связь эта в обеих грамматических категориях проявляется двояко. Во-первых, от вида и наклонения глагола зависит самая система его временных форм. Только глаголы несовершенного вида и изъявительного наклонения имеют все три времени, при этом будущее время у них сложное (читает, читал, будет читать). Глаголы совершенного вида в изъявительном наклонении имеют только два времени: прошедшее и простое будущее (прочитал, прочитает). Глаголы в повелительном и условном наклонении не имеют времени в русском языке. (В венгерском языке, например, в условном наклонении глаголы различают время: *olvásnék* настоящее, *olvastam volna* прошедшее время; они переводятся на русский одинаково «Я читал бы».) Во-вторых, значения временных форм глагола осложнены видовыми и модальными значениями. Видовые и модальные значения присутствуют в любой временной форме глагола.

Целью данной работы является выявление тех способов употребления предикативных форм глагола в индикативе, когда данные формы, кроме основного видового и модального значения изъявительного наклонения в первичных и вторичных функциях временных форм выражают ещё и «ряд дополнительных оттенков, конкретизирующих и живописующих осуществление действий»⁴. Употребление временных форм глагола в изъявительном наклонении для выражения таких дополнительных оттенков мы обозначаем термином «окрашенное употребление временных форм глагола». Введение этого термина нам кажется целесообразным с точки зрения более удобного разграничения основных и дополнительных оттенков модального и видового значения временных форм глагола. При этом надо иметь в виду, что об окрашении временных форм глагола мы говорим только в том случае, если различия в дополнительных значениях связываются с различием конструкций, если в языке имеются такие конструкции, которые внутри основного модального или видового значения можно противопоставить друг другу в качестве носителей дополнительных живописующих значений. «Нередко это связано, как указывает *А. Н. Гвоздев*, с использованием разных видов глагола и с заменой одних форм времени другими. В результате оказывается большое количество форм, близких по значению, которые отличаются лишь тонкими

³ *Н. С. Поспелов*, Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка, М., 1955. *Е. Кржижкова*, Категория времени в современном русском языке, «Вопросы языкознания», 1962/3, *А. В. Бондарко*, Система глагольных времён в современном русском языке. «Вопросы языкознания» 1962/3.

⁴ *А. Н. Гвоздев*, Очерки по стилистике русского языка, Москва, 1955, стр. 208.

оттенками и нередко допускают взаимную замену»⁵. Этим объясняется, с одной стороны, что в некоторых работах⁶ в связи с т. н. *транспозицией* времён освещаются такие явления, которые мы называем окрашенным употреблением временных форм, имея в виду, что транспозиция времён является только одним, правда, основным средством создания дополнительных живописующих значений. С другой стороны, возникновение большого количества форм, близких по значению, вследствие окрашенного употребления времён создаёт такое ошибочное, на наш взгляд, представление, по которому «грамматических категорий», соответствующих «естественным» временам, в русском языке нет. На основании этого проф. А. В. Исаченко предлагает исходить из вопроса: «Какие временные значения имеют те или иные предикативные формы индикатива?», исходя из системы временных форм. Так значения временных форм определены «не столько на основании их отнесённости к одному из эмпирических временных планов, а в первую очередь на основании их соотносённости с другими временными формами»⁷. Мы придерживаемся того мнения, что необходимо разграничить прямое, относительное и окрашенное употребление временных форм глагола друг от друга, показывая при этом отношение этих форм к «естественным» временам и друг к другу. Нам кажется, что для разграничения прямых, относительных и окрашенных значений отдельных временных форм объективным критерием может служить соотносённость этих значений к «естественным» временам, т. е. к моменту речи.⁸ Нечёткое разграничение вышеуказанных случаев употребления временных форм глагола может привести и к тому, что отдельные окрашенные формы глагола неправомерно включаются в временную систему русского глагола. При этом можно сослаться на предложенную А. В. Бондарко систему видо-временных форм русского глагола, в которой форма *реши* выражает два звена в системе: «настоящее совершенное» и «будущее совершенное»⁹, или же на полемику проф. А. В. Исаченко с академиком В. В. Виноградовым, по мнению которого «сочетания глагола *стану, стал* с инфинитивом (*стану работать, стал работать*) представляют собой аналитическую видо-временную форму глагола, но которые кроме будущего времени выражают и другие оттенки модального значения»¹⁰.

Окрашенное употребление временных форм глагола происходит в первую очередь при употреблении временных форм, определяемых с точки зрения говорящего, но встречаются и в относительном употреблении временных форм (напр. «историческое настоящее»). Различаем два основных случая такого употребления: окрашивание основного модального значения индикатива, или же окрашивание основного видового значения временной формы глагола. Говоря о замене времён и наклонений, А. М. Пешковский возникновение та-

⁵ А. Н. Гвоздев, Там же, стр. 208.

⁶ См. напр. А. V. Isačenko, Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I, Halle (Saale), 1962, S. 283.

⁷ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка, II, стр. 442.

⁸ См. в связи с этим упомянутую статью Е. Кржижковой, стр. 22.

⁹ А. В. Бондарко, Система глагольных времён в современном русском языке. «Вопросы языкознания», 1962/3, стр. 29.

¹⁰ А. V. Isačenko, Die russische Sprache der Gegenwart, I, S. 286.

ких окрашенных значений объясняет наличием полного противоречия между значением формы и реальными условиями речи, причиной возникновения которого служит тот факт, «что реальные условия часто гарантируют верное понимание и у говорящего является желание воспользоваться формальным значением как чистой формой, сознательно наложить определенный оттенок на неподходящее для него содержание»¹¹. Мы не намерены рассмотреть все случаи окрашенного употребления временных форм глагола в русском языке, ведь многие из них детально изучены в первую очередь в работах *А. М. Пешковского*, *В. В. Виноградова*, *А. Н. Гвоздева*, *В. М. Никитевича* и *А. В. Исаченко*¹². (Правда, в связи с транспозицией (заменой) времён или с описанием значения временных форм и окрашенное употребление временных форм в прямом и относительном значении не всегда разграничено).

I. Основным значением форм изъявительного наклонения является простое констатирование, утверждение или отрицание действия в настоящем, прошедшем и будущем. Индикатив является «прямой модальной категорией реальности»¹³. Кроме этого основного значения разные формы изъявительного наклонения могут выразить «множество модальных оттенков высказывания»¹⁴ в сопровождении разнообразия интонаций, в сочетании с модальными частицами и словами. Так возникают разнообразные модальные типы глагольных предложений (*Он приехал* — повествовательная, — *Он приехал?* — вопросительная, *Он приехал!* — восклицательная модальность) и ряд модальных конструкций аналитического типа. В рамках изъявительного наклонения внутри отдельных модальных типов предложения можно говорить и о синтетических типах выражения модальных оттенков, которые изъявительное наклонение часто приближают «по оттенкам своих значений к другим наклонениям глагола»¹⁵.

Индикатив выражает реальную связь действия с субъектом. Эта реальная связь действия с субъектом может проявляться ещё только как возможная или как уже необходимая. Эти оттенки реальности связей могут выразиться и в языке.

1. Формы глагола в индикативе кроме сообщения о действительности могут указывать и на ВОЗМОЖНОСТЬ и НЕВОЗМОЖНОСТЬ осуществления действия, для выражения которых служат в первую очередь условное наклонение, глагол *мочь*, модальные слова *нельзя*, *невозможно*. *В. М. Никитевич* детально занимается этой проблемой и

¹¹ *А. М. Пешковский*, *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва, 1956. стр. 208.

¹² См. упомянутую книгу *А. М. Пешковского* на страницах 208—213, *А. Н. Гвоздева* на страницах 208—220, *А. В. Исаченко* на страницах 419—469, *В. В. Виноградова* на страницах 539—581, статью *В. М. Никитевича* «Некоторые модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке» (*Вопросы изучения русского языка*, Алма-Ата, 1955 стр. 179—227).

¹³ *В. В. Виноградов*, *О категории модальности в русском языке*. (Труды Института русского языка), 1950 стр. 50.

¹⁴ *В. В. Виноградов*, *Русский язык*, стр. 587.

¹⁵ *В. В. Виноградов*, Там же.

поэтому мы не будем рассматривать подробно этот вопрос, он различает, во-первых, глаголы с оттенками значения «объективно-обусловленной» возможности (невозможности), когда обуславливающей причиной возможности или невозможности действия является внешний фактор, независимый от субъекта, — качество материала и такие типы модального окрашивания индикатива встречаются в формах простого будущего — *Из осины не выйдет ни сохи, ни дубины.* (Ф. Гл.) = *Из осины не может выйти ни сохи, ни дубины* — прошедшего — *Встав изю стола, я чуть держался на ногах* (чуть мог держаться). (П.) Ср. *Он держался за уступ*, — настоящего времени — *А дуги гнут с терпением и не вдруг.* (Кр.) Ср. *В этой мастерской гнут дуги. Я не сплю с того дня, как вы появились здесь* (не могу спать). (Андр.) Ср. *Я уже не сплю* (действительно не сплю), в вопросительных предложениях — *Какой груз поднимает* (может поднимать) *новый экскаватор? Когда я к вам зайду* (могу зайти)?; во-вторых, глаголы с оттенками значения «субъектно-обусловленной» возможности (невозможности), когда обуславливающей причиной возможности (невозможности) действия является сам субъект действия: *Я одной рукой только поднимаю два пуда.* (А. Ч.) Ср. *Я одной рукой только могу поднять два пуда*¹⁶. В связи с этим необходимо сослаться на критические замечания проф. Т. П. Ломтева, по которому вышеуказанная работа В. М. Никитевича целиком построена «на основе применения метода субъективного истолкования смысла выражения и последующего приписывания его грамматическим средствам в качестве их грамматического свойства»... «Он не учитывает того, что для доказательства наличия модального значения той или другой глагольной формы изъявительного наклонения необходимо исследовать объективные критерии, а не ограничиваться субъективным истолкованием смысла предложения». Далее «Автор полагает, что если языковое чутьё подсказало ему какое-либо наблюдение, то для доказательства его достаточно привести то или другое количество примеров»¹⁷. Например: глаголам *берёт* и *горит* в предложениях *Смелость города берёт*; *Правда в огне не горит*; по Ломтеву нельзя приписывать грамматическую категорию возможности — невозможности на том основании, что содержание этих предложений можно истолковать в таком смысле: *Смелость может брать города*; *Правда в огне не может гореть*. Критические замечания проф. Т. П. Ломтева относительно работы В. М. Никитевича мы считаем в основном несправедливыми. В. М. Никитевич в своей работе говорит не о грамматических категориях возможности — невозможности, а о формах изъявительного наклонения с оттенком значения возможности и невозможности как о дополнительных средствах выражения значений косвенной модальности и при этом он стремится найти объективные критерии для доказательства наличия модального окрашивания той или другой глагольной формы. (Возможно,

¹⁶ В. М. Никитевич, Упомянутая статья, стр. 190.

¹⁷ Т. П. Ломтев, Основы синтаксиса современного русского языка, Москва, 1958. стр. 39—40.

что вследствие отсутствия таких объективных критерий, он и не разработал намеченные под пунктом «Б» глаголы с оттенками значения «субъективно-обусловленной» возможности (невозможности)). Тут ссылаемся на находящееся в его работе заглавие «Грамматическая обусловленность модальных оттенков возможности (невозможности) в глаголах изъявительного наклонения» и, на наш взгляд, мы уже должны принять объективным критерием сопоставления возможностей такого рода, как *Смелость может брать города — Смелость города берёт* (ср. *Ученик берёт книгу со стола*), имея в виду, что речь идёт об оттенках модальных значений. Такие предложения можно даже сопоставить и с инфинитивными модальными сочетаниями — *Смелости города брать*. Правда, В. М. Никитевич иногда приписывает модальный оттенок возможности (невозможности) действия формам индикатива и в том случае, когда они обусловлены и не только «поддерживаются» прилагательными наречиями, как, например, в формах прошедшего времени, где трудно говорить об индикативе с оттенком значения возможности и невозможности.¹⁸ В дальнейшем не совсем можно согласиться и с тем утверждением Никитевича, согласно которому в инфинитивных модальных сочетаниях значение косвенной модальности является единственным, в то время как формы будущего времени совершенного вида прежде всего выражают основное значение изъявительного наклонения.¹⁹ По его мнению предложение *Такое дело голосованием не решишь* отличается от предложения *Такое дело голосованием нельзя решить* тем, что в первом предложении вместе с указанием на невозможность действия отрицается сам факт действия в будущем. Если в первом предложении формы индикатива выражают невозможность действия в будущем, тогда чем можно объяснить, что этой форме может соответствовать только то инфинитивное сочетание, которое не имеет глагольной связки? По мнению акад. В. В. Виноградова это возможно потому, что «при этом оттенке потенциальности действия, при модальном подчёркивании мыслимости или немыслимости результата, форма будущего времени (обычно также с отрицанием) распространяется и на настоящее время»²⁰. Предложение *Ты сам легко это поймёшь* относиться и к настоящему и будущему и могут соответствовать ему инфинитивные сочетания без связки и с связкой *будет* — *Это легко тебе понять* и *Это легко будет тебе понять*. (В прошедшем времени индикатива уже нет такого окрашенного употребления, что показывает и употребление модального глагола *мочь*. *Ты сам легко мог это понять* = *Это легко было тебе понять*.) Но всё-таки более частое употребление инфинитивных сочетаний без связки *буду* параллельно с окрашенным будущим временем разговорной речи объясняется тем, что и инфинитивные сочетания без временной конкретизации связками в первую очередь выражают модальное значение и окрашенные формы индикатива выражают такое же модальное значение, значит связь бо-

¹⁸ См. примеры в упомянутой работе В. М. Никитевича на 196—197 стр.

¹⁹ В. М. Никитевич, Указ. статья, стр. 159.

²⁰ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 574—575.

лее естественна. См. примечательный пример *Никитевича* с параллельным употреблением форм простого будущего и инфинитивного сочетания в сходном модальном значении: *Что же, всех и не увидишь, С каждым к росстаням не выйдешь, На прощанье всем не лезя Заглянуть тепло в глаза.* (А. Твард.) На связь окрашенного простого будущего с настоящим временем указывают и их параллельные употребления в таких устойчивых сочетаниях, как *Гляжу — не нагляжусь. Смотрю — не насмотрюсь. Она ждёт — не дожждётся его. Это не вода плещет, меня не обманешь, это его длинные вёсла.* (Лерм.) Некоторые связывают наличие модального оттенка значения возможности-невозможности и с лексическим значением глагола. Так *В. М. Никитевич* указывает, что «в современном русском языке выделяются такие глаголы, которые в формах изъявительного наклонения имеют оттенки значений возможности (невозможности) обычно всегда и вне зависимости от контекста. Объединяющим моментом для этих глаголов в отрицательной форме является выражение действий, осуществление которых невозможно вопреки воле субъекта». «Приставки и суффиксы могут как бы предопределять модальный оттенок глагольной формы»²¹. *О. П. Рассудова* выделяет некоторые группы таких глаголов с определёнными приставками²². Таковы, напр., глаголы с приставкой *на-* (с частицей *-ся*): *не нагляжусь, не нагуляюсь, не надышусь, не наговорюсь, не напьюсь*, которые по *А. В. Исаченко* имеют сатуративный оттенок результативной совершаемости²³; глаголы с приставкой *до-* (с частицей *-ся*): *не дождусь, не дозвожусь, не достучусь, не доберусь*, которые по *Исаченко* выражают эксгаустативный оттенок значения («довести субъект действия до полной исчерпанности, до невозможности продолжать действие») ²⁴; глаголы с приставкой *у-* (с частицей *-ся* и без неё): *не угонюсь, не уживусь, не утерплю, не усижу*; глаголы с приставкой *вы-*: *не выдержу, не вынесу, не вытерплю, не вытяну*. Ограничить возможность употребления простого будущего времени на некоторые лексические группы глаголов с определёнными приставками, как нам кажется, является весьма затруднительным. Количество таких глаголов с разными приставками легко можно увеличить, особенно с отрицанием (*Всего не перескажешь. Не придумаю, как выйти из этого положения. Мечтам и годам нет возврата; Не обновлю души моей...* Пушкин, Евг. Он.) *Я не разберу, что он говорит.*), «что следует объяснить определённой близостью отрицания реальности факта с понятием невозможности»²⁵. Поэтому, на наш взгляд, решающим фактором при окрашенном употреблении форм индикатива со значением возможности или невозможности действия является изменение в временной соотнесённости этих форм: формы простого будущего распространяются и

²¹ В. М. Никитевич, Указ. работа, стр. 205—206.

²² О. П. Рассудова, Употребление времён глагола в русском языке. (Сб. «Русский язык для студентов-иностранцев»), Москва, 1957, стр. 14.

²³ А. В. Исаченко, Указ. книга, стр. 246.

²⁴ А. В. Исаченко, Там же, стр. 245.

²⁵ В. М. Никитевич, Упомянутая статья, стр. 192.

на настоящее (*На поля, сады На зелёные, Люди сельские не на-
смотрятся. (Кольцов, Урожай)* и формы настоящего вследствие т. н.
«вневременного употребления» и на будущее (*Смелость города берёт*).
Это происходит в прямом (абсолютном) временном употреблении глав-
ным образом в обобщённо-личных и неопределённо-личных предложе-
ниях (*Змею обойдёшь, а от клеветы, не уйдёшь*), или с параллельным
употреблением с формами настоящего времени (*Вечером мы пьём чай
и не наговоримся об проведённом дне, богатом разнообразными собы-
тиями* (Гоголь, Письмо Г. И. Высокому, 19 марта 1827). В относитель-
ном же употреблении формы простого будущего со значением возмож-
ности или невозможности действия выражают в первую очередь мо-
дальное значение и главным образом в форме второго лица единствен-
ного числа, что объясняется тем, что функцию отнесённости этих пред-
ложений к временному плану выполняют другие глаголы и в разговоре
чаще всего формы 2-го лица употребляются в обобщённых значениях.
См. следующие примеры: ... *потом я уже и сам пристрастился к кни-
гам, да так, что не оторвёшь.* (Шолохов, Поднятая целина). *А будет
хороший урожай — и перепадёт колхозникам на трудовые дни богато,
да разве тогда повернёшь добром их против советской власти.*
(Шолохов, Поднятая целина). *Где-то позади остался, скрылся за из-
волоком Гремячий Лог, и широкая — глазом не окинешь — степь по-
глотила Давыдова.* (Шолохов, Поднятая целина).

В связи с этим типом окрашенного употребления форм простого бу-
дущего времени мы должны ещё сказать несколько слов об интересной
статье А. В. Бондарко, в которой предлагается представить видовре-
менные формы русского глагола таким образом, что и глаголы совершен-
ного вида состоят из трёх «временных рядов»: из прошедшего совер-
шенного (*решил*), настоящего совершенного (*решу*) и будущего со-
вершенного (*решу*).²⁶ Настоящее совершенное он называет и неакту-
альным настоящим и для проявления такого временного значения не-
обходимы специальные условия: наличие отрицания и модального от-
тенка невозможности (*Никак не решу эту задачу*), чтобы была обо-
значена или подразумевалась его повторяемость, обычность и при этом
обязательно наличие хотя бы двух соотносительных действий (*Если он
решил что-нибудь, то решений своих никогда не меняет*). На наш
взгляд при таких условиях трудно говорить о существовании какой-
либо грамматической категории. Трудно согласится и с тем, что в
контексте формы простого будущего реализуют «то значение будущего,
то настоящего»²⁷. Ведь сам термин «неактуальное настоящее» подка-
зывает, что действие будет «актуальным» в будущем, распространяется
и на будущее. Взять хотя бы примеры А. В. Бондарко *«Что-то я тебя,
старичок, никак не разберу»* (Герман, Один год), *«Жить своею жизнью
в среде неприязненной и пошлой, гнетущей и безвыходной могут очень
немногие: иной раз дух не вынесет, иной раз тело сломится»* (Герцен,
Былое и думы), которые не показывают, что «рассматриваемые формы

²⁶ А. В. Бондарко, Указанная статья, стр. 29—30.

²⁷ А. В. Бондарко, Там же, стр. 29.

не выражают будущего времени или какого-либо оттенка, связанного с будущим».²⁸ Правда, будущего времени они не выражают, но в значении данных глаголов имеется и такой оттенок, который действительность невозможности распространяет и на будущее: никак не разберу тебя — теперь и в будущем. Далее значение «неактуального настоящего» отнюдь не является универсальным у глаголов совершенного вида.

2. Формы настоящего времени в русском языке часто употребляются вместо соответствующих форм будущего времени. Такое употребление форм настоящего времени обусловлено стилистическими моментами и возможно, как отмечает К. Г. Крушельницкая, при двух условиях: во-первых, при наличии односмысленного контекста (обычно узкого, ограниченного одним предложением, в котором указание на будущее время содержится в наречиях и т. п.), во-вторых, при наличии уверенности в том, что действие произойдёт²⁹, если «этот будущий акт при помощи формы настоящего времени представлен говорящим как настоящий, и сделано это для того, чтобы наслонить на обозначение будущего акта оттенок той доподлинности, несомненности, осязаемости, которая есть всегда у настоящего времени и которой по существу дела, не может быть, у будущего»³⁰. Напр.: *Мы едем завтра в город*. При отсутствии уверенности в осуществлении действия, мы не можем употреблять формы настоящего времени. Ср. *Может быть, мы поедем завтра в город*. Слова *итак, решено, конечно* и т. п. могут подчеркнуть решимость говорящего совершить действие. Следующий пример взят у С. П. Рассудовой: *Завтра непременно объясняюсь. Итак, я рассказываю им обо всём. Я решила бесповоротно. Жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь. Я ухожу от отца, покидаю вас, начинаю новую жизнь.* (Чехов, Чайка)³¹. Первое условие такого стилистического употребления форм настоящего времени является менее ясным. Если можно было бы принять следующее указание А. М. Пешковского, по которому «в живой речи могло бы быть просто *я уезжаю*, и если бы это было сказано в постели, или в ванне, или за обедом, то обстановка охраняла бы от буквального понимания»³², то преподаватели не предостерегали бы иностранцев от такого ошибочного употребления форм настоящего времени, которые имеются в таких предложениях как например: *Он так хорошо занимался! Он, наверное, получает на этом экзамене «отлично».* Хорошо, *я посижу* вас; и не установили бы те условия, при которых в русском языке настоящее время обычно может иметь значение будущего (при наличии точного указания на время — *В воскресенье она играет в консерватории*, у глаголов определённого движения и без точного указания

²⁸ А. В. Бондарко, Там же, стр. 27.

²⁹ К. Г. Крушельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. Москва, 1961. стр. 112—113.

³⁰ А. М. Пешковский, Указ. книга, стр. 208—209.

³¹ О. П. Рассудова, Указ. статья, стр. 5.

³² А. М. Пешковский, Указ. книга, стр. 208.

на время — *Ну, как, вы едете в Ленинград?* глаголы неопределённого движения только в приставочной форме — *Мы переезжаем в Москву*³³). На наш взгляд только в общих чертах можно характеризовать критерии употребления форм настоящего времени вместо будущего и из намеченных двух условий главным является наличие уверенности в осуществлении действия, ведь обстановка вообще охраняет от буквального понимания. Предложение *«Он получает на этом экзамене «отлично»* не является ошибочным, если употребляем без вводного слова *«наверное»* и говорящий твёрдо убеждён в том, что он говорит (всё-таки лучше избежать такого употребления наст. врем.). Наконец, противопоставим два предложения, одно из которых является окрашенным в модальном отношении: *Эта книга выходит из печати через несколько дней* — *Через несколько дней эта книга выйдет из печати*.

При резкой экспрессивности сообщения и формы прошедшего времени (чаще всего совершенного вида) можно употреблять в редких случаях вместо будущего времени с стилистической целью. «Такое употребление формы прошедшего совершенного основывается на субъективной убеждённости в наличии результата»³⁴: *Пошёл!* — решительно сказал он и не попровавшись, широкими шагами побежали вперед. (Катаев).

В разговорной речи прошедшее время иногда можно употреблять «в значении будущего с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа»³⁵. Напр.: *Вспыхнув, Лушка с силой оттолкнула Давыдова, проговорила сквозь зубы: — Тоже мне жених нашёлся? Да на черта ты мне нужен, такой трус славный? Так я за тебя и пошла замуж, держи карман шире!* (Шолохов, Поднятая целина).

Модальный оттенок уверенности, убеждённости говорящего в чём-нибудь может выразить и первое лицо сложного будущего. Сложное будущее, как указывают исследователи, «обозначает течение действия в плане будущего, отрешённом от настоящего»³⁶: *Сейчас буду одеваться* — обозначает, что «я ещё не начал одеваться». При выражении уверенности говорящего будущее сложное имеет связь и с настоящим временем. См. следующие примеры: *Я не буду с тобой возиться. Это, будем надеяться, не было твоё последнее посещение. И это я слышал от вас не один раз, но на дуэль я вас всё равно вызывать не буду, и идите ж к черту!* что же это такое, братишки? (Шолохов, Поднятая целина).

3. Индикатив, выражая реальную связь действия с субъектом, может указывать в окрашенном употреблении и на НЕОБХОДИМОСТЬ этой связи. В таких предложениях без изменения оттенка значений можно употреблять слова должен, непременно. По модальности эти предложения обычно являются побудительными.

Формы 2-го лица простого и сложного будущего в сочетании с особой интонацией служат для выражения приказания, не допускающего воз-

³³ О. П. Рассудова, Указ. статья, стр. 3, 5.

³⁴ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 544.

³⁵ В. В. Виноградов, Там же, стр. 545.

ражений. Эти же формы в 3-ем лице выражают, в подобных условиях, долженствование. Например: *Завтра вы поедете на строительство! Ты отведёшь её (собаку) к генералу и спросишь там.* (Чехов, Хамелеон) *А теперь вы больше не будете бездельничать. Пётр Андреевич, Максимыч отведёт вас на вашу квартиру.* (Пушкин, Кап. дочка) *А теперь будете работать, они будут отдыхать.* Формы сложного будущего являются более экспрессивными.

Формы 1-го лица простого и сложного будущего времени в сочетании с особой экспрессивно-волевой интонацией, как мы знаем, служат для выражения «категорического желания, требования, намерения или приглашения»³⁷: *напишем! будем писать!* Они являются формами императива 1-го лица множественного числа. А. В. Исаченко отмечает, что простая форма императива 1-го лица множественного числа «образуется только от глаголов совершенного вида»³⁸. У В. В. Виноградова же и формы настоящего времени могут выразить императив 1-го лица множественного числа, только формы совершенного вида являются более категоричными. Он приводит такие примеры: ср. *ну, поплывём и ну, поплывём; бросаем курить и бросим курить*. В дальнейшем он говорит, что «в глаголах типа *идти, ехать* и т. д. (моторно-определённых) различие между формами несовершенного и совершенного вида в этом употреблении минимально. Например, в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого: *«Так бери же свои вещи и едем сейчас, — сказал старший. — Прекрасно, сейчас и поедем, — сказал младший»*³⁹. Языковые факты подтверждают последнюю точку зрения, прибавляя, что параллельное употребление является продуктивным только в глаголах опред. движения и обычно мы должны придерживаться мнения проф. Исаченко.

4. Стоит рассмотреть ещё некоторые модальные оттенки т. н. *риторического вопроса*. В форме риторического вопроса говорящий может выразить своё предположение, что ответ будет противоположным относительно вопроса. Ср. *Разве можно верить любви?* и *Разве нельзя верить любви?* — в первом случае ожидается отрицательный, во втором утвердительный ответ: *нельзя, можно*. То же самое в предложениях с глагольным сказуемым: *Разве не случается, что оттолкнёшь человека и после расскажешься?* (Гончаров) Такое же явление можно наблюдать и после некоторых вопросительных местоимений с формами сложного будущего времени. Например: *Зачем я буду объяснять вам мои поступки?* (Горький, Старуха Изергиль) Можно сказать и в другом лице: *Зачем он будет объяснять вам свои поступки? Что я теперь буду делать без тебя?*

³⁶ В. В. Виноградов, Там же, стр. 569.

³⁷ В. В. Виноградов, О категории модальности в русском языке, стр. 50.

³⁸ А. В. Исаченко, К вопросу об императиве в русском языке. «Русский язык в школе» 1957/6, стр. 8, 9.

³⁹ В. В. Виноградов, Русский язык, 576. и см. статью «О категории модальности...», стр. 50.

II. Второй большой тип окрашенного употребления временных форм индикатива связан в первую очередь с видовыми значениями глагола. Ниже мы рассмотрим некоторые из таких значений.

1. В грамматиках указывается, что в целом ряде случаев можно употребить в одном и том же контексте прошедшее время *обоих* видов. В книге *А. В. Исаченко* можно найти следующие примеры: *Меня предупредили / предупреждали, что он не придёт. Я вам сказал / говорил, что уезжаю. Сегодня сообщили / сообщали по радио, что будет дождь. Он меня попросил / просил вернуть ему книгу*⁴⁰. В дальнейшем он указывает, что значение этих вариантов не является тождественным. Они стилизуют единичный акт как событие (сов. вид) и как процесс, актуализируя его, повышая наглядность повествования. Разницу в значениях, созданных употреблением разных видов, хорошо можно видеть на следующем примере: *Я сейчас диссертацию защищал, — сказал он, садясь и поглаживая колени. — Защитил? — спросила Ольга Ивановна. (Чехов).* В памяти говорящего процесс защиты ещё является живым и поэтому употребляет несов. вид, Ольгу Ивановну же после этого высказывания интересует результат этого процесса и в вопросе употребляет сов. вид.

У *В. В. Виноградова* для иллюстрации резкого отличия видовых значений можно найти, между прочим, такие примеры: *Вдруг пришёл возвратившийся из города обломовский мужик, и уж он доставал, доставал из-за пазухи, наконец, насилу достал скомканное письмо на имя Ильи Ильича Обломова. (Гончаров). Встречали кого-нибудь? — Встречал, да не встретил. (Островский, Беспреданница)*⁴¹

Несовершенный вид часто употребляется в описании прошлого, в бытовых сообщениях о прошлом. По *Виноградову* в несов. виде употребляются такие глаголы повседневных действий, как *есть, пить, спать, видеть, слышать*⁴². *О. П. Рассудова* добавляет к этим глаголам ещё т. н. глаголы «говорения» (*verba dicendi*): *говорить, спрашивать, приглашать, советовать* и др.⁴³

Можем добавить, что только в общих чертах можно указать на наиболее частые случаи параллельного употребления форм прошедшего времени *обоих* видов. В вопросительных предложениях отдельные местоимения тоже могут влиять на употребление видов, в зависимости от того, спрашиваем ли мы о процессе или о результате действия. Напр.: *Он обманул меня. Как он вас обманывал?* (Каверин, Два капитана). *Что ты ответил?* Наречия, связанные со значением результата, тоже могут влиять на употребление видов. Ср. напр.: *Тебе будет жарко: ты очень тепло оделся. и Ты очень быстро одевался / оделся.* В первом предложении несов. вид нельзя употреблять: наречие *тепло* связано не с процессом действия.

⁴⁰ *А. В. Исаченко*, Указ. книга, стр. 439.

⁴¹ *В. В. Виноградов*, Русский язык, стр. 567, 559.

⁴² *В. В. Виноградов*, Там же, стр. 558.

⁴³ *О. П. Рассудова*, Упом. статья, стр. 7.

2. Для передачи МГНОВЕННОСТИ действия в прошлом имеется несколько способов в русском языке. Сравни, напр. следующие предложения: *Он хлопнул меня по щеке. Он так и хлопнул меня по щеке. Он и хлопни меня по щеке. Он хлоп меня по щеке.* (Происхождением и описанием сфер употребления данных форм не раз занимались лингвисты.) Кроме этого ещё формы простого будущего тоже могут выразить неожиданность, мгновенность действия. Мы попытаемся разграничить эти формы по значению и по сфере употребления.

а) Тип *Он хлопнул меня по щеке* является обычным способом выражения однократного движения. Глаголы на *-нуть* совершенного вида обозначают действия, выполняемые одним движением, в один приём. Многие авторы, как указывает А. В. Исаченко, вносят в семантику таких глаголов наряду с их «однократностью» и оттенок «мгновенности» или «моментальности»; внесение которых, по его мнению, является мало оправданным. Во многих случаях «лексическое значение таких глаголов, как *махнуть рукой, топнуть ногой* и т. п., имеющее в виду одно отдельно взятое движение, может навести на мысль, что здесь действительно выражается «мгновенное» действие. Но такое толкование связано не со значением однократности как таковой, а с индивидуальным лексическим значением таких глаголов, как *махнуть* или *топнуть*. Та же однократная форма такого глагола, как *кутнуть*, явно не допускает толкования действия, выраженного этим глаголом, как «мгновенного», ибо любой «кутёж» длится во всяком случае дольше, чем одно «мгновение!»⁴⁴

б) Тип *Он так и хлопнул меня по щеке* выражает внезапно-мгновенный оттенок действия. Нам кажется, что этот тип подтверждает точку зрения проф. Исаченко относительно выражения мгновенности действия глаголами на *-нуть*. Некоторые частицы (*так и, взял да и*) с формами прошедшего времени сов. вида могут выразить внезапно-мгновенный оттенок действия и от других глаголов. Ср. напр.: *Взял да и сказал. Он так и сел. Так и вздрогнул.*

в) Тип *Он так и хлопни меня по щеке* характеризует устную речь и выражает неожиданный оттенок действия. Этот тип, на наш взгляд, употребляется в первую очередь от таких глаголов, значение которых допускает оттенок неожиданности, и эти глаголы не имеют других средств для выражения такого значения. Е. Н. Прокопович различает два типа значений с этими формами. Во-первых, они всегда выражают оттенок неожиданности действия, который может подчёркиваться наречием *вдруг*. Напр.: *Жил я-с в деревне... Вдруг приглянись мне девушка, ах, да какая же девушка была.* (Тургенев, Пётр Петрович Каратаев); во-вторых, данная форма с частицами *возьми и, да, да и, возьми да и* и др. кроме неожиданности выражает ещё и «яркий дополнительный оттенок произвольности действия».⁴⁵ Напр.: *Курицу я резал. Я её резал очень просто,*

⁴⁴ А. В. Исаченко, Указ. книга, стр. 253.

⁴⁵ Е. Н. Прокопович, Особые формы прошедшего времени в роли сказуемого. «Русский язык в школе» 1960/4, стр. 14—17.

как обыкновенно, а она возьми да и вырвись из рук, возьми да побегу. (Чехов) Возможно, что В. В. Виноградов на основе этого второго значения называет этот тип «прошедшее мгновенно-произвольного действия»⁴⁶.

- г) Тип *Он хлоп меня по щеке* А. М. Пешковский называет ультрамгновенным видом русского глагола. «К глаголам на -нуть с мгновенным значением (как прыгнуть, скакнуть и т. д.), от которых они почти исключительно образуются, они относятся как превосходная степень прилагательного к сравительной»⁴⁷. Е. Н. Хлебникова-Прокопович называет их глагольно-междометными формами и выделяет в их кругу две основные группы: во-первых, такие, которые глагольны по своему происхождению, употребляются только в роли сказуемого и могут быть соотносительны не только с формами глаголов прошедшего времени, но и глагольными формами настоящего и простого будущего времени (*Кошка ему прыг на шею. На цыпочках пройдёт он в спальню, бесшумно разденется и — бултых в постель!* (Чехов, Учитель словесности)); во-вторых, такие, которые употребляются как в роли сказуемого, так и в качестве междометий (звукоподражательных восклицаний) и в ряде случаев неясно, образовались ли они от глагола и стали употребляться и в функции междометия, или, напротив, соответствующий глагол был образован от междометия (звукоподражательного слова). Таковы: бац, хлоп, трах, хват, бряк, бах, бултых, бух и др.⁴⁸.

- д) В относительном временном употреблении формы простого будущего в значении одновременности с прошедшим временем с частицей *вдруг* могут выразить внезапность действия. Напр.: *Я пошёл... как она вдруг раскроет глаза и уставится на меня!... Кто это? Кто это?* (Тургенев, Уездный лекарь) *Герасим глядел, глядел да как засмеётся вдруг.* (Тургенев, Муму).

⁴⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, 556.

⁴⁷ А. М. Пешковский, Указ. книга, стр. 198—199.

⁴⁸ Е. Н. Хлебникова-Прокопович, Особые формы глагольного сказуемого в современном русском языке, «Русский язык в школе» 1958/1, стр. 7—11.